

Леся Украинка

"Михаэль Крамер". Последняя драма Гергарта Гауптмана

Оригинал здесь: [Всё про Лесю Украинку](#).

Новая драма Герг[арта] Гауптмана ставит всякого критика, будь он рецензент-дилетант или серьезный "эссеист"-аналитик, в трудное положение: она и манит, и пугает, ее нельзя, даже нет сил пройти молчанием, но чтобы заговорить о ней, надо прежде победить в себе тот "священный страх", который заставляет нас долго молчать перед истинным произведением искусства и который именно лучше всякого анализа доказывает нам, что мы имеем дело с недюжинным проявлением человеческого духа. Но едва побежден страх, как уже является стремление как-нибудь активно приобщиться к захватывающему нас произведению: копией или подражанием, переводом или критической мыслью, - да дозволено будет нам выбрать последний способ, без претензий, конечно, стать наравне с поразившим нас творением.

Драма "Михаэль Крамер" поражает нас, с одной стороны, своей новизной, оригинальностью темы и положений, с другой - тем, насколько Гауптман в ней верен себе, насколько он проникнут **одним стилем**, своим собственным стилем, который, несмотря даже на такие уродливые его проявления, как, напр[имер], фарс "Шлук и Яу", всегда самобытен, всегда узнаваем с первой, раскрытой наудачу страницы. Уже прочтя первую сцену, всякий, кто только знает этот стиль, скажет: да, это Гауптман!

Да что же это за стиль? Кто такой Гауптман как писатель - натуралист, реалист, декадент, новоромантик? К какой он школе принадлежит? Или он создал сам новую школу? На эти вопросы старается ответить критика с тех пор, как Гауптман создал себе имя, но ответы получаются или сбивчивые, или противоречивые. Нам кажется, что скорее всего те правы, которые не считают Гауптмана ни адептом, ни основателем какой-либо определенной школы или направления, какой-либо литературной секты. Нам кажется, что если бы кто спросил Гауптмана, как пастор мастера Генриха в "Потонувшем колоколе": "Да для какой же церкви вы творите?" - он, подобно Генриху, ответил бы: "Ни для какой".

Меньше всего он натуралист, хотя многим сценам и выражениям в его драмах (не исключая даже неземного "Потонувшего колокола") позавидовал бы сам Золя; реалист он настолько, насколько неизбежно бывает им всякий истинный художник; печать декадентизма лежит на большинстве его героев; освободительный дух новоромантизма веет во всех его сочинениях без исключения. Гауптман причастен всем современным ему школам, и все-таки он "одиноким" в литературе, подобно тому, как все его главные герои "одиноким" в жизни. Критика, благосклонная к Гауптману, долго надеялась, что это он **еще** не установился, **еще** не выбрал определенного направления, но потом потеряла эту надежду и с грустью признала факт, что Гауптман навсегда остался "диким" среди литературных партий и фракций. Неблагосклонная критика отметила этот факт злорадно, как признак беспринципности, неустойчивости, умственной несостоятельности, отсталости и т. д. Причина этих нападок была в сущности та, что изолированное и высокое положение Гауптмана в немецкой литературе начало раздражать основательные, привыкшие к правильно построенным системам умы серьезных немецких критиков, а еще больше раздражало оно сердца молодых, очень притязательных, но слишком легко вооруженных собратьев Гауптмана. Из лагеря этих молодых вышла претенциозная, рассчитанная на большую сенсацию брошюрка Ландсберга "Los vom Hauptmann!" ("Пора освободиться от Гауптмана!"), которая действительно достигла своей цели, т. е. наделала много шума. Когда шум несколько улегся, то сами "молодые" в лице критиков журналов "Gesellschaft" и "Neue deutsche Rundschau" подняли вопрос: кому это, собственно, пора освободиться от Гауптмана? кто состоит под его влиянием? где его школа, его подражатели? Этот вопрос остался без ответа, так как самому Ландсбергу неловко было бы признаться, что он желает освобождения от Гауптмана не как от литературного вожака или коновода, какими были в свое время, напр[имер], Виктор Гюго или Золя, а просто как от слишком большой величины, которая стесняет своей грандиозностью. Очевидно, современникам Гауптмана начинает казаться, что он "загромождает свою эпоху" (il encombre son siècle), как это казалось относительно Шатобриана его молодым собратьям.

Несмотря на то что именно Гауптман своей "Ганнеле" и своим "Потонувшим колоколом" задал тон немецкой новоромантике, он не только не сделался вожаком школы, но даже вызвал наиболее резкие нападки из новоромантического лагеря (к которому принадлежит и автор брошюры "Los vom Hauptmann!") за то, что будто бы он своей нерешительностью, своими периодическими возвратами к реалистическим приемам подает дурной пример своим подражателям (кто эти подражатели, нам неизвестно) и тормозит правильное развитие новой школы. Повторилась история "роялистов", которые обыкновенно не считают своего главу достаточно "лояльным". Этим мы не хотим сказать, будто Гауптман действительно глава новоромантиков в том смысле, в каком можно приложить этот термин, напр[имер], к